

The poster features a woman's face in the foreground, her hand held up to her eyes. Red scratch marks are drawn across her hand. The background is a dramatic scene of a large, multi-story house on a hill, with a full moon and birds in the sky. The overall color palette is dominated by reds, oranges, and blues.

ТЕСС
ГЕРРИТСЕН

ПРИЗРАК НОЧИ

Тесс Герритсен

Призрак ночи

Серия «Звезды мирового детектива»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=59369837
Призрак ночи : роман: Азбука, Азбука-Аттикус; СПб; 2020
ISBN 978-5-389-18740-5

Аннотация

Совершив жестокую, непростительную ошибку, Эйва покидает Бостон в попытке убежать от мучительных воспоминаний. Надеясь, что уединенная жизнь поможет ей прийти в себя, она арендует старинный капитанский дом на побережье, чтобы закончить свою книгу. Но покоя нет и здесь: по ночам ей слышатся странные звуки и странные видения посещают ее. Когда на свет всплывает история этого дома, выясняется, что все женщины, которые жили в нем прежде, таинственным образом погибли или исчезли бесследно. И в этом замешан первый владелец дома, капитан, чей призрак тревожит уединение Эйвы, желая то ли погубить, то ли спасти ее... Впервые на русском!

Содержание

Пролог	5
1	7
2	19
3	28
4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Тесс Герритсен

Призрак ночи

Tess Gerritsen

THE SHAPE OF NIGHT

Copyright © 2019 by Tess Gerritsen All rights reserved

© 2019 by Tess Gerritsen All rights reserved

© О. И. Лютова, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

© Издательство АЗБУКА®

Посвящается Кларе

Пролог

Вахта Броуди снится мне до сих пор, и кошмарный сон всегда один и тот же. Я стою на усыпанной гравием подъездной аллее, а передо мной темнеет дом, точно плывущий в дымке корабль-призрак. У моих ног клубится туман – от его скользких прикосновений кожа покрывается ледяной изморосью. Я слышу море – грохот волн, разбивающихся о скалы, – а над головой кричит чайка, словно предупреждая: держись подальше, не приближайся. Я знаю, что за входной дверью ожидает смерть, но не отступаю, потому что дом зовет меня. Возможно, он всегда будет манить меня, подобно поющей сирене, призывая вновь подняться на веранду с поскрипывающими – вперед-назад – качелями.

Я открываю дверь.

Внутри все не так, совершенно не так. Это вовсе не тот чудесный дом, в котором я когда-то жила и который любила... Массивная резная лестница задущена выюном – словно зеленая змея, оплетает он перила. Пол устлан ковром из сухих листьев, занесенных сюда ветром через разбитые окна. Я слышу медленное «кап-кап» – дождевая вода неумолимо стекает с потолка – и, подняв взгляд, вижу, как одинокая хрустальная подвеска покачивается на скелете люстры. По стенам, когда-то покрытым кремовой краской и украшенным великолепной лепниной, ныне расползаются щупальца пле-

сени. Задолго до того, как появилась Вахта Броуди, до того как люди, что выстроили ее, привезли сюда дерево, камень и прикрепили балки к опорам, холм, на котором стоит дом, был царством леса и мха. И вот мхи и заросли снова захватывают свою территорию. Вахта Броуди заброшена, и в воздухе повис запах гнили.

Где-то наверху слышно жужжание, и по мере подъема по лестнице этот звук усиливается. Некогда прочные ступени, по которым я ходила каждый вечер, проседают и стонут при каждом шаге. Перила, прежде отполированные до атласной гладкости, теперь щетинятся колючками терновника. На втором этаже я вижу муху: она кружится надо мной и внезапно врезается мне в лоб. Тут же подлетает еще одна, за ней другая, а я продолжаю путь – по коридору к главной спальне. Сквозь закрытую дверь до меня доносится жадный гул – какое-то лакомство привлекло насекомых в эту комнату.

Я открываю дверь, и гул тут же превращается в рев. Мухи налетают на меня в таком количестве, что я почти задыхаюсь. Отмахиваюсь и трясущими руками, но мухи повсюду: у меня в волосах, в глазах, во рту. И только в этот момент я понимаю, что манит мух в эту комнату. В этот дом.

Я. Они лакомятся мной.

1

В тот день в начале августа, когда я свернула на Норт-Пойнт-уэй и впервые направилась к Вахте Броуди, никакие мрачные предчувствия меня не томили. Я думала лишь о том, что эта дорога нуждается в срочном ремонте, так как ее покрытие пошло волнами из-за вторжения древесных корней. Перед моим отъездом управляющая недвижимостью пояснила мне по телефону, что дому более ста пятидесяти лет и в данный момент он реставрируется. Первые несколько недель придется мириться с тем, что в башенке будут стучать молотками двое плотников, однако именно по этой причине дом с таким потрясающим видом на океан можно снять почти даром.

«Прежняя съемщица уехала из городка пару недель назад, хотя аренда у нее была уплачена на месяцы вперед. Так что вы позвонили мне как раз вовремя, – заметила она. – Владельцу не хотелось бы, чтобы дом пустовал все лето: кто-то же должен присматривать за ним. Хозяин выразил надежду, что отыщется другая съемщица. По его мнению, у женщин куда больше развито чувство ответственности».

Получилось так, что новой счастливой съемщицей оказалась я.

С заднего сиденья машины заорал мой кот Ганнибал, требуя освобождения из переноски, в которой он просидел

шесть часов – с тех пор, как мы выехали из Бостона. Я бросаю взгляд назад и вижу сквозь дверцу, как недобро сверкнули на меня яростные зеленые глаза громадного мейн-куна.

– Почти приехали, – обещаю я, хотя сама уже начинаю волноваться, что свернула не туда.

Из-за корней и вспучивания грунта в морозы дорожное покрытие потрескалось; деревья, казалось, теснее подступили к обочине. Мой старенький «субару», и без того придавленный багажом и кухонной утварью, царапает днищем дорогу и подскакивает, продолжая путь по постепенно сужающемуся туннелю между стволами сосен и елей. Развернуться тут все равно не вышло бы – мне только и остается ехать дальше по дороге, куда бы она ни вела. Ганнибал снова подает голос, но на этот раз более настойчиво, словно предупреждая: «Остановись сейчас же, не то будет поздно».

Сквозь нависающие ветви взгляд то и дело выхватывает клочки серого неба, а затем лес внезапно расступается, и передо мной открывается широкий гранитный откос, испещренный лишайником. Видавший виды знак подтверждает: я прибыла на подъездную аллею Вахты Броуди, однако дорога уходит в такой густой туман, что дома совсем не видно. Асфальт остался позади, из-под шин начинает выскакивать гравий. Дымка мешает разглядеть потрепанные ветром кусты живой изгороди и гранитную пустошь, однако слышно, как орут чайки, – они кружат над головой, точно целый легион призраков.

И тут передо мной возникает темный силуэт дома.

Заглушив двигатель, я несколько секунд просто сижу и смотрю на Вахту Броуди. Неудивительно, что от подножия холма дом не виден. Его обшивка из серых досок совершенно сливается с туманом, а башенку вообще можно различить с большим трудом: она прямо-таки упирается в низкие облака. Разумеется, это иллюзия; мне говорили, что дом большой, но я не ожидала увидеть такой замок на вершине.

Я выхожу из машины и смотрю вверх, на деревянную обшивку, что со временем приобрела серебристо-серый оттенок. На веранде со скрипом покачиваются качели, точно их толкает чья-то невидимая рука. Должно быть, в этом доме гуляют сквозняки, а отопительная система устроена еще до потопа; воображение рисует мне комнаты с влажным, пахнущим плесенью воздухом. Нет, совсем не так я представляла свое летнее пристанище. Я надеялась найти уединенное место для творчества, уголок, где можно спрятаться.

Убежище, в котором я смогу залечить раны.

Однако этот дом оказался вражеской территорией – он презрительно взирает на меня своими угрюмыми глазами-окнами. Чайки кричат все громче, призывая бежать, пока еще есть возможность. Я отступаю назад и уже собираюсь снова сесть в машину, но тут до меня доносится шорох шин по гравийной аллее. Позади моего «субару» останавливается серебристый «лексус», из него выходит какая-то блондинка и, помахивая рукой, приближается ко мне. Она пример-

но моего возраста, ухоженная и привлекательная; всем своим видом – от пиджака «Брукс бразерс» до улыбки, словно говорящей: «Я твоя лучшая подруга», – она излучает невероятную уверенность в себе.

– Вы ведь Эйва, верно? – спрашивает она, протягивая руку. – Простите, я немного опоздала. Надеюсь, вы ждали меня не слишком долго. Я Донна Бранка, управляющая недвижимостью.

Мы жмем друг другу руки, а я лихорадочно ищу причину отказаться от договора аренды.

«Этот дом чересчур велик для меня. Расположен слишком уединенно. И пожалуй, жутковат».

– Красивое место, правда? – ораторствует она, жестом указывая на гранитную пустошь. – Очень жаль, что в пасмурную погоду невозможно все рассмотреть как следует, но когда туман растает, вы просто в обморок упадете от такого вида на океан.

– Прошу прощения, но этот дом не совсем то...

Менеджер уже поднимается по крыльцу на веранду; ключи позвякивают у нее в руке.

– Вам повезло – вы позвонили как раз вовремя. Сразу после нашего разговора ко мне еще дважды обращались насчет Вахты Броуди. Лето в Такер-Коуве – это просто сумасшествие. Столько туристов ищут съемное жилье! Похоже, в этом году никто не стремится в Европу на летний отдых. Все предпочитают держаться поближе к дому.

– Я рада слышать, что этим местом интересуются. Потому что, я думаю, для меня Вахта Броуди несколько...

– Вуаля! Вот мы и дома!

Передняя входная дверь распахивается, и я вижу поблескивающий дубовый пол и лестницу с искусной резьбой на перилах. Отговорки, что крутились у меня на языке, вдруг куда-то испаряются. Кажется, какая-то неумолимая сила тянет меня шагнуть за порог. В прихожей устремляю взгляд вверх – на хрустальную люстру и потолок с замысловатой лепниной. Мне представлялось, что дом холодный и влажный, пахнет пылью и плесенью, а теперь до меня доносятся лишь ароматы свежей краски и лака. И моря.

– Реставрация почти завершена, – объясняет Донна. – Плотникам осталось немного работы в башенке и на вдовьей дорожке, но они постараются не попадаться вам на глаза. К тому же они работают только в будни, так что в выходные вас оставят в покое. Владелец хотел было снизить арендную плату в летний период, поскольку знает: плотники создают неудобства – однако они пробудут здесь всего пару недель. А потом до конца сезона этот сказочный дом будет в вашем полном распоряжении. – Управляющая заметила, что я с интересом разглядываю потолочный плинтус. – Они прекрасно отреставрировали лепнину, верно? Нед, наш плотник, – искусный мастер. Он знает каждый уголок, каждую щелку этого дома, как никто иной. Пойдемте, я покажу вам все остальное. Поскольку вы, видимо, будете пробовать рецепты, ду-

маю, вам необходимо увидеть кухню. Она великолепна.

– Разве я рассказывала вам о своей работе? Не помню, чтобы мы о ней говорили.

Управляющая смущенно усмехается:

– По телефону вы сказали, что пишете о еде, я не удержалась и погуглила. Я уже заказала вашу книгу об оливковом масле. Надеюсь получить автограф.

– С радостью подпишу ее для вас.

– Думаю, скоро вы придете к выводу, что в этом доме отлично пишется. – Донна ведет меня в кухню, светлое просторное помещение с полами из черно-белой плитки, выложенной геометрическим узором. – Здесь шестиконфорочная плита с большой духовкой. Боюсь, утварь довольно простая – несколько кастрюль и сковородок, – но вы говорили, что привезли свою посуду.

– Да, у меня длинный список рецептов, которые необходимо испробовать, к тому же я никогда и никуда не езжу без своих ножей и сотейников.

– Так о чем же ваша новая книга?

– О традиционных блюдах Новой Англии. Я изучаю кухню мореходов и их семей.

– Это сплошная вяленая треска! – смеется она.

– А еще мне интересно, как они жили. Долгие зимы, холодные ночи, опасности, подстерегавшие рыбака, который отваживался на все ради хорошего улова... Жить на деньги от добычи рыбы было непросто.

– Да, разумеется, непросто. И доказательство тому – в следующей комнате.

– Что вы имеете в виду?

– Я покажу.

Мы переходим в уютную гостиную, где в камине уже поджигается растопка из дров и хвороста. Над каминной полкой висит написанная маслом картина с изображением накренившегося судна в бурном море; корабельный нос прорезает взбитую ветром пену.

– Это всего-навсего копия, – поясняет Донна. – Оригинал выставлен в городке, в зале исторического общества, там есть и портрет Джереми Броди. И знаете, он привлекает внимание – высокий мужчина с волосами цвета воронова крыла.

– Броди? Поэтому дом называется Вахтой Броди?

– Да. Капитан Броди командовал торговым судном, что ходило отсюда в Шанхай, и таким образом сколотил себе состояние. Он построил этот дом в тысяча восемьсот шестьдесят первом году. – Окинув взором холст, на котором корабль борется с волнами, она вздрагивает. – Морская болезнь разыгрывается у меня от одного лишь взгляда на эту картину. Ни за что не ступлю на палубу, даже если мне заплатят. А вы плавали по морю?

– Да, в детстве. Но уже много лет не садилась в лодку.

– Здешнее побережье считается лучшим в мире местом для плавания на лодках и яхтах, если, конечно, вам это нра-

вится. Такие забавы решительно не для меня. — С этими словами Донна направляется к распашной двери в противоположном конце гостиной и открывает ее. — А тут моя любимая комната в этом доме.

Переступаю порог — и вид за окном мгновенно приковывает взгляд. Передо мной медленно перекатываются валы тумана, а за его завесой я вижу проблески того, что скрывалось вдали. Море.

— Стоит только выйти солнцу, от здешней красоты у вас перехватит дыхание, — обещает Донна. — Сейчас моря не видно, так что придется дожждаться завтрашнего дня. К тому времени горизонт расчистится.

Мне хотелось бы немного постоять возле этого окна, но управляющая уже двинулась дальше, чтобы не задерживать экскурсию, в сторону столовой, обставленной чрезвычайно торжественно: центральное место занимает тяжелый дубовый стол с восемью стульями вокруг. Стену украшает еще одно полотно с изображением корабля, впрочем, выполнено оно куда менее умелым художником. К раме прикреплена табличка с названием судна: «Минотавр».

— Это его корабль, — говорит Донна.

— Капитана Броуди?

— «Минотавр» затонул, и капитан вместе с ним. Его старший помощник написал эту картину и вручил капитану в качестве подарка за год до того, как оба пропали в море.

Я разглядываю изображение «Минотавра», и внезапно во-

лоски на моем затылке встают дыбом, будто бы ледяной ветер вдруг врывается в комнату. Я и в самом деле оборачиваюсь к окну, чтобы проверить, не открыто ли оно, но все окна в этой комнате надежно заперты. Похоже, Донна тоже ощущает нечто подобное, поскольку обхватывает себя за плечи.

– Картина не особенно хороша, однако господин Шербрук считает, что она должна находиться в доме. Раз уж ее автор сам старпом, надо полагать, все детали на месте.

– Однако то, что она висит тут, немного смущает, – бормочу я, – ведь мы же знаем, что капитан погиб именно на этом корабле.

– То же самое говорила Шарлотта.

– Шарлотта?

– Она снимала дом до вас. И так интересовалась его историей, что собиралась даже расспросить владельца. – Донна поворачивается в сторону. – Пойдемте посмотрим спальни.

Вслед за управляющей я поднимаюсь по плавно изогнутой лестнице; моя рука легко скользит по отполированным перилам. Они сделаны из обработанного вручную дуба и на ощупь кажутся прочными и надежными. Дом строился на века, и наверняка в нем должно было жить не одно поколение потомков, однако он пустует и вот-вот примет на постой одинокую женщину и ее кота.

– А у капитана Бруди были дети? – спрашиваю я.

– Нет, он так и не женился. После его гибели дом достался по наследству одному из племянников, а потом несколько

раз переходил из рук в руки. Теперь он принадлежит Артуру Шербруку.

– Отчего же мистер Шербрук не живет здесь?

– У него есть дом в Кейп-Элизабет, неподалеку от Портленда. А Вахту Броуди он унаследовал от тетки много лет назад. Дом перешел к нему в довольно плачевном состоянии, так что господин Шербрук уже потратил целое состояние на реставрацию. Он надеется, что найдется покупатель... – Немного помолчав, она оборачивается ко мне. – Если это вам интересно.

– Я не потяну содержание такого дома.

– Ну да. Я просто подумала, что стоит упомянуть об этом на всякий случай. Но вы правы: содержание таких исторических построек – сущий ужас.

Мы идем по второму этажу, и Донна указывает на дверные проемы двух скудно обставленных спален, а затем подходит к двери в самом конце коридора:

– Это спальня капитана Броуди.

Войдя в комнату, я снова вдыхаю аромат моря. Этот запах я заметила еще внизу, но здесь он слишком явный – словно прямо на меня накатывает волна и брызги летят в лицо. Но вдруг аромат исчезает, будто кто-то взял и закрыл окно.

– Вы будете в восторге, проснувшись и взглянув на эту красоту, – не унимается Донна, указывая на окна, хотя за стеклом все еще висит туман и ничего не видно. – Летом солнце встает вон там, над водой, так что можно встречать

рассвет.

Я хмурюсь, глядя на голые окна.

— Без занавесок?

— Да тут нечего скрывать, потому что никого нет и никто вас не увидит. Участок тянется до самой воды. — Она оборачивается и кивает на камин. — Вы ведь умеете разжигать огонь, верно? Знаете, что первым делом нужно открыть дымоход?

— Я часто навещала бабушку на ее ферме в Нью-Гемпшире, так что у меня есть кое-какой опыт по растопке печей.

— Господин Шербрук хотел бы убедиться в вашей осмотрительности. Пламя довольно быстро охватывает такие старые постройки. — Донна достает из кармана связку ключей. — Думаю, наша экскурсия подошла к концу.

— Вы говорили, наверху башенка?

— О, сейчас в башенке нечего делать. Там черт-те что, инструменты да деревяшки. И разумеется, нельзя выходить на вдовью дорожку, пока плотники не заменили настил. Это небезопасно.

Я так и не решалась взять у нее ключи... Вспомнилось первое впечатление при взгляде на дом, как будто взиравший на меня безжизненными стеклянными глазами. Тогда Вахта Броуди, казалось, не обещала ни уюта, ни пристанища, и меня охватило желание сбежать отсюда. Но теперь, когда я оказалась внутри, вдохнула ее воздух и прикоснулась к деревянным перилам, ощущения стали совсем иными.

Дом принял меня.

Я беру ключи.

– Если появятся вопросы, меня можно застать в офисе со среды по воскресенье, а по срочным в кухне Шарлотта оставила небольшой список местных телефонов. Водопроводчик, врач, электрик...

– А почту где можно забирать?

– На обочине подъездной аллеи есть почтовый ящик. А можно арендовать ящик в городе. Так поступила Шарлотта. – Донна останавливается у моей машины, разглядывая кошачью переноску на заднем сиденье. – Ого! Ну и кошечка у вас!

– Он давно приучен к лотку, – заверяю я.

– Он здоровенный.

– Знаю, пора посадить его на диету. – Я протягиваю руку, чтобы вытащить переноску, и Ганнибал шипит на меня сквозь решетку. – Он не в восторге, что пришлось сидеть в машине так долго.

Нагнувшись, Донна разглядывает Ганнибала.

– Мне кажется или у него лишние пальцы? Мейн-кун, верно?

– Да, целых двадцать шесть фунтов.

– Охотиться любит?

– Еще как!

Донна улыбается Ганнибалу:

– Тогда ему здесь понравится.

2

Я затаскиваю переноску в дом и освобождаю пленника. Ганнибал выбирается из клетки, бросает на меня недобрый взгляд и устремляется в сторону кухни. Разумеется, первым делом ему нужно туда; даже в незнакомом доме Ганнибал всегда знает, где ему накроют ужин.

Мне пришлось не раз повторить маршрут до машины и обратно, чтобы выгрузить и отнести в дом чемодан, картонные коробки с книгами, постельным бельем и кухонной утварью, а также два пакета продуктов, купленных в городке Такер-Коув на первые несколько дней. Из своей бостонской квартиры я прихватила все, что может пригодиться в ближайшие три месяца. Романы, собиравшие пыль на моих книжных полках, – я давно собиралась прочесть эти книги, и теперь наконец-то пробил их час. Банки с драгоценными травами и специями, которые, как я опасалась, трудно будет найти в каком-нибудь захолустном магазинчике штата Мэн. Я привезла и купальники с пляжными платьями, и свитеры, а также толстую пуховую куртку, потому что даже летом трудно предсказать погоду в Новой Англии. Во всяком случае, так говорят.

Когда все вещи были перенесены в дом, время уже перевалило за семь, а я основательно подмерзла в тумане. Мне хочется только одного – выпить чего-нибудь у потрескива-

ющего очага. Достаяю три бутылки вина, привезенные из Бостона. Открыв кухонный шкаф в поисках бокала, обнаруживаю, что у предыдущей постоялицы были похожие желания. На одной из полок, рядом с экземпляром «Радости приготовления пищи»¹, стоят две бутылки односолодового шотландского виски – одна почти пуста.

Отставив в сторону вино, беру бутылку, в которой осталось немного виски.

Сегодня моя первая ночь в этом великолепном старом доме – так почему бы и нет? Я уже никуда не пойду, день был крайне утомительный, да и в такой влажный прохладный вечер виски подойдет куда лучше всего остального. Кормлю Ганнибала, наливаю шотландский виски в хрустальный стакан, найденный в кухонном шкафу, – всего на два пальца. И вот, стоя прямо у рабочего кухонного стола, я вознаграждаю себя первым глотком и с удовлетворением выдыхаю. Допивая содержимое стакана, бездумно перелистываю «Радость приготовления пищи». Книга вся покрыта пятнами и брызгами жира, – видимо, ее часто использовали и очень любили. На титульном листе красуется надпись:

С днем рождения, Шарлотта! Ты стала самостоятельной, и теперь тебе понадобится это.

¹ «Радость приготовления пищи» («The Joy of Cooking») – американская поваренная книга, написанная Ирмой Ромбауэр, изданная впервые в 1931 году и ставшая настоящей «кулинарной библией» вроде советской «Книги о вкусной и здоровой пище». – *Здесь и далее примеч. перев.*

*С любовью,
бабуся*

Мне стало интересно: а знает ли Шарлотта, что забыла здесь свою книгу? Переворачивая страницы, я вижу, как много пометок она сделала на полях, рядом с рецептами. «Нужно добавлять больше порошка карри». «Слишком тяжело готовить». «Очень понравилось Гарри!» Представляю, как бы я расстроилась, если бы подевала куда-то одну из любимых кулинарных книг, особенно ту, которую подарила бабушка! Наверняка Шарлотта захочет вернуть ее. Нужно будет сказать об этом Донне.

Виски творит чудеса. От жара лицо мое покраснелось, плечи расправились, а напряжение рассеялось. Наконец-то я в Мэне, и мы с котом оказались совсем одни в доме у океана. Не стоит думать о том, что привело меня сюда, а тем более вспоминать, кого я оставила в прошлом. Предпочитаю занятие, которое приносит мне утешение безотказно, – приготовление еды. Сегодня я сделаю ризотто, потому что оно простое и сытное, к тому же для этого всего-то нужны две кастрюли и терпение. Я попиваю виски и припускаю в сотейнике грибы, лук-шалот и сырой рис, перемешиваю, пока зернышки не начинают потрескивать. Добавляя в кастрюлю вино, выплескиваю капельку в свой опустевший стакан, где был виски. Конечно, в такой последовательности эти напитки не пьют, но ведь никого рядом нет и никто косо на меня не посмотрит. Наливаю горячий мясной бульон в кастрюлю

и перемешиваю. Делаю глоток вина. И снова мешаю. Добавляю горячий мясной бульон и опять делаю глоток. Продолжаю помешивать. Другие повара, возможно, жалуются, что присматривать за ризотто скучно, а мне как раз именно поэтому нравится его готовить. Нельзя торопиться, нельзя раздражаться.

И вот я несу караул у плиты, помешивая ризотто деревянной ложкой и позволяя себе сосредоточиться лишь на том, что томится на конфорке. Я кладу в кастрюлю свежий горох, петрушку и тертый пармезан, и от этого аромата просто слюнки текут.

Когда я наконец накрываю ужин в столовой, на улице уже ночь. В Бостоне тьма всегда засорена городскими огнями, но здесь за окном не видно ни зги – ни проплывающих мимо кораблей, ни пульсирующего света маяка, только черное-черное море. Я зажигаю свечи, откупориваю бутылку кьянти и наливаю его на сей раз в винный бокал. Стол сервирован безупречно: свечи, льняная салфетка, серебряные приборы по обе стороны глубокой тарелки с ризотто, присыпанного петрушкой.

Зазвонил мой мобильный.

Еще до того, как я прочитала имя на дисплее, я поняла, кто мне звонит. Она, разумеется. Я представляю себе, как Люси в своей квартире на Коммонуэлс-авеню прижала телефон к уху и ждет моего ответа. Я прямо-таки вижу письменный стол, за которым она сидит: свадебная фотография

в рамке, фарфоровая чашечка со скрепками, часы розового дерева, подаренные мною на день окончания медицинского училища. Телефон звонит и звонит, а я сижу, сжав кулаки, и чувствую, как меня начинает мутить. Когда звонки наконец прекращаются, тишина кажется мне облегчением и благословением.

Я пробую ризотто – совсем чуть-чуть. Пусть я готовила по этому рецепту уже раз десять, пища на кончике ложки кажется безвкусной, словно бумага, а первый глоток кьянти – горьким. Нужно было все-таки открыть просекко, но оно еще не охладилось, а игристое вино обязательно нужно как следует охлаждать, и лучше ставить бутылку в глубокую емкость со льдом.

Именно так я делала с шампанским в прошлый Новый год.

И снова я будто слышу звон ледяных кубиков, джаз, играющий в стереосистеме, разговоры друзей, родственников, коллег, что заполнили мою бостонскую квартиру. Ради этого праздника я сделала все возможное: не поскупилась на дамарискаротские устрицы и на целую ногу хамона иберико де бейота. Я помню, как смотрела на своих смеющихся гостей и думала, с кем из них уже переспала и с кем могла бы переспать сегодня. В конце концов, Новый год одной праздновать грустно.

«Прекрати, Эйва. Не думай о той ночи!»

Но невозможно не сыпать соль на эту рану и не чувствовать, как она саднит и кровоточит. Снова наполнив бокал,

я опять и опять растрavляю ее... Смех, стук устричных раковин, веселые пузырьки шампанского на моем языке. Я вспоминаю, как мой редактор Саймон кладет в рот блестящую устрицу. А Люси в тот вечер предстояло дежурство, поэтому она целомудренно пила только газированную воду.

А еще вспоминается, как мастерски Ник откупорил бутылку. Я тогда подумала: ну и залихватский у него вид в сбившемся набок галстукe и с закатанными до локтя рукавами! Стоит только воскресить в памяти эту ночь, я тут же представляю себе Ника.

Огонек свечи на моем столе, дрогнув, угасает. Я бросаю взгляд ниже и, к собственному удивлению, замечаю: бутылка кьянти опустела.

Поднимаюсь со стула, и дом будто бы немного шатается, словно я оказалась на палубе покачивающегося корабля. Окон я не открывала, но по комнате снова разлился аромат моря, я даже чувствую соль на губах. Либо у меня начались галлюцинации, либо я напилась сильнее, чем предполагала.

У меня нет сил мыть посуду, поэтому просто оставляю почти нетронутое ризотто на столе и направляюсь к лестнице, по пути выключая свет. Ганнибал несется мимо меня, и от неожиданности я спотыкаюсь, ударяясь голенью о край площадки второго этажа. Этот чертов мейн-кун уже знает дом лучше меня. Когда я наконец-то добираюсь до спальни, кот уже лежит на одеяле. Мне неохота сдвигать его – я просто выключаю лампу и валюсь на кровать рядом с ним.

И засыпаю с ароматом моря, осевшим на моих ноздрах.

Ночью я ощущаю, как проседает матрас, и тяну руку, стремясь ощутить тепло Ганнибала, но его рядом нет. Открыв глаза, поначалу не могу вспомнить, где нахожусь. А потом до меня доходит: я в Такер-Коуве. В доме капитана. Накануне прикончила бутылку кьянти. И с чего я решила, что этот побег все изменит? Куда ни пойдешь, тоска волочится за тобой, словно разлагающийся труп, вот и я притащила свою тоску на океанское побережье, в этот одинокий дом в штате Мэн.

В дом, где я определенно не одна.

Я лежу без сна, слушаю постукивание и царапанье маленьких коготков, доносящиеся сквозь стену. Судя по звукам, несколько десятков, а может, и сотен мышей бегают по стене за моей кроватью, словно по главному шоссе. Ганнибал тоже не спит – он мяукает и бродит туда-сюда по комнате: инстинкт кота-убийцы сводит его с ума.

Я встаю с кровати и открываю дверь, пытаюсь выпустить его, но он не хочет уходить. С мяуканьем он продолжает расхаживать по спальне. От мышей и без того немало шума, но как уснуть под рулады Ганнибала? Раз уж я все равно проснулась, устраиваюсь в кресле-качалке и смотрю в окно. Туман растаял, и небо стало потрясаяще ясным. Море простирается до горизонта, и малейшую волну серебрят лунный свет. Я вспоминаю о полной бутылке виски в кухонном шкафу и размышляю: если выпить еще немного, смогу ли я за-

снуть и проспать всю ночь? Однако мне так удобно сидеть в кресле-качалке, что вставать лень. Да и вид здесь невероятно красив: океан раскинулся кругом, поблескивая, словно старое серебро. Мою щеку овеял ветерок, коснулся кожи, будто прохладным поцелуем, и я снова ощущаю этот аромат – запах моря.

Внезапно в доме воцарилась тишина. Даже мыши за стеной замерли: должно быть, нечто – или некто – встревожило их. Ганнибал тихо зашипел, и волосы на моих руках встали дыбом.

«В этой комнате есть кто-то еще».

С бешено колотящимся сердцем я вскакиваю. Кресло продолжает качаться, а я отступаю к кровати, вглядываясь во тьму. Но вижу лишь силуэты мебели и горящие глаза Ганнибала, отражающие лунный свет; он пристально смотрит куда-то в угол. Я ничего не вижу там. Кот издает дикий рык и, крадучись, исчезает в тени.

Стою, приглядываясь и прислушиваясь, целую вечность. Окно заливают лунный свет, он падает на пол, и в этом серебристом сиянии не заметно никакого движения. Кресло перестало качаться. Морской запах испарился.

В комнате больше никого нет. Только я и мой трусливый кот.

Я снова забираюсь в постель, натянув до самого подбородка одеяло, но даже под ним мне зябко, меня начинает трясти. И только когда Ганнибал наконец-то вылезает из-под кровати,

ти и ложится рядом, я перестаю дрожать. В том, как кот, пушистый, теплый, мурлычет и прижимается к твоему боку, есть нечто такое, что примиряет с этим миром, – вздохнув, я запускаю пальцы в его мех.

За стеной снова стали возиться мыши.

– Завтра, – бормочу я, – нам придется снять какое-нибудь другое жилье.

Возле моих тапок лежат три мышиных трупика.

Все еще вялая с похмелья, я смотрю на жуткие дары, которые Ганнибал оставил мне ночью. Он сидит возле своих приношений, весь раздувшись от гордости, и я вспоминаю замечание здешней управляющей в ответ на фразу о том, что мой кот охотник.

«Ему здесь понравится».

Ну хоть кому-то из нас нравится здесь.

Натянув джинсы и футболку, я отправляюсь вниз за бумажными полотенцами, чтобы все убрать. Даже под несколькими слоями бумаги мышинные тушки кажутся до отвращения мягкими. Ганнибал бросает на меня хмурый взгляд: мол, что, черт возьми, ты творишь с моим подарком? Я заворачиваю мышей, спускаюсь и выхожу за порог. Кот следует за мной.

Утро великолепно. Светит солнце, воздух свеж, а растущий чуть поодаль розовый куст весь в цвету. Я размышляю, стоит ли кинуть мышей в кусты, однако Ганнибал ходит где-то поблизости и наверняка захочет снова завладеть своей добычей, а потому я заворачиваю за угол дома, чтобы выбросить трупики в океан.

Первый же взгляд на море ослепляет меня. Щурясь на солнце, я стою на краю утеса и смотрю вниз – на прибой,

на щупальца водорослей, что обхватывают камни внизу. Над головой носятся чайки, а вдалеке проплывает лодка ловца омаров. Этот вид так меня загипнотизировал, что я совсем забыла, зачем вышла на улицу. Я разворачиваю мышинные трупики и швыряю их с утеса. Они падают на камни, и их уносит нахлынувшей волной.

Ганнибал крадется прочь – без сомнения, за новым трофеем.

Мне стало любопытно, куда он держит путь, поэтому я подкладываю смятую бумагу под камень, чтобы не улетела, и спешу следом за котом. Вид у него такой, будто он получил секретное задание: хищник крадется по краю утеса по узкой, словно след булавки, тропке, между мхом и чахлой травой. Почва здесь плохая: в основном гранит, покрытый лишайником. Постепенно он переходит в крохотный полумесяц пляжа, обрамленный валунами. Ганнибал, чей хвост поднят, как пушистое знамя, продолжает красться впереди и останавливается лишь раз, желая проверить, по-прежнему ли я иду за ним. Доносится аромат роз, и я замечаю несколько кустов морщинистого шиповника, чьи ярко-розовые цветы ярко выделяются на фоне гранита; несмотря на ветра и соленый воздух, шиповник каким-то чудом выжил здесь и прекрасно разросся. Я пробираюсь мимо кустов, царапая шипами лодыжки, и спрыгиваю с камней на пляжик. Песка там нет, лишь маленькие камешки, они стучат, перекатываясь туда-сюда в набегающих волнах. По обе стороны бухточки

высаятся громадные валуны, выступающие из воды, так что пляжик скрыт от чужого взора.

Это место может стать моим тайным убежищем.

И тут же я начинаю планировать пикник. Принесу сюда покрывало, обед и, разумеется, бутылку вина. Если потеплеет, возможно, мне удастся даже окунуться в студеную воду. Солнце ласково светит в лицо, в воздухе разливается аромат роз, а я чувствую себя спокойной и счастливой, чего давно уже не случалось. Вдруг это место мне и правда подходит? Вероятно, именно здесь мне и следует быть, именно здесь я и смогу работать. Может, здесь я наконец примирюсь сама с собой.

И тут меня накрывает страшный голод. Не припомню, когда мне в последний раз так сильно хотелось есть! За минувшие несколько месяцев я очень похудела, и мои джинсы, некогда узкие, плотно обтягивавшие бедра, теперь свободно висят на мне. Я поднимаюсь по тропке, думая о яичнице, тосте и литре, не меньше, горячего кофе с сахаром и сливками. В животе урчит, а во рту я уже чувствую вкус домашнего ежевичного джема, который привезла с собой из Бостона. Ганнибал мчится впереди меня, указывая путь. Либо он простил мне выброшенных мышей, либо тоже вспомнил о завтраке.

Я взбираюсь на утес и по тропке иду к мысу. Там, где берег выступает вперед, словно нос корабля, и стоит одинокий дом. Я представляю, как обреченный капитан Броди смот-

рит на океан со вдовьей дорожки на крыше, неся свою вахту и в ясные деньки, и в непогоду. Да, настоящий морской волк должен был выбрать именно такое место для строительства дома – на этом измученном ветрами, обнаженном клочке земли...

Я замираю, глядя на вдовью дорожку. Мне показалось – или кто-то и вправду только что стоял там? Теперь на крыше никого нет. Возможно, это один из плотников, хотя Донна говорила, что они работают только в будни, а сегодня воскресенье.

Спешу обогнуть дом по тропе и подбегаю к главному входу, но никаких других машин, кроме моего «субару», не замечаю. Если на крыше был плотник, как он добрался до Вахты Броуди?

Громко топая по ступеням, я кричу:

– Ау! Я новая съемщица!

Никакого ответа. Поднимаясь по лестнице и шагая по коридору второго этажа, я прислушиваюсь к звукам из башенки, однако не слышу ни стука молотка, ни скрежета пилы, ни даже скрипа половиц под чужими ногами. Дверь на лестницу, ведущую в башенку, яростно взвизгивает, передо мной открывается узкий темный проход.

– Ау! – кричу я.

И снова никакого ответа.

Я еще ни разу не была в башенке. Вглядываясь во мрак, замечаю слабые лучи света на самом верху – они проникают

сквозь щели между закрытой дверью и дверной рамой. Если кто-то и работает там, то делает это до странности беззвучно, и на мгновение я начинаю нервничать, подозревая, что сюда пробрался кто-то, *не имеющий отношения* к плотникам. Чужак прокрался в мой дом через незапертую входную дверь и теперь прячется, поджидая меня внутри! Но здесь ведь не Бостон, это маленький городок в штате Мэн, где народ не имеет привычки запираť двери, а ключи хранит в машинах. Во всяком случае, так говорят.

Первая же ступень зловеще скрипит под тяжестью моего тела. Останавливаюсь и прислушиваюсь. Наверху по-прежнему тихо.

От громкого мяуканья Ганнибала я подпрыгиваю. Обернувшись, вижу его у своих ног; судя по всему, он ничуть не встревожен. Он протискивается мимо меня и мчитсѧ вверх, к закрытой двери наверху, там останавливается и ждет меня. Мой кот куда смелее.

На цыпочках я поднимаюсь по лестнице, и с каждым шагом мой пульс учащается. Оказавшись на верхней ступени, я понимаю, что ладони мои вспотели, поэтому дверная ручка кажется скользкой. Я медленно поворачиваю ее и толчком открываю дверь.

Меня ослепляет солнечный свет.

Я щурюсь, и очертания предметов в комнате становятся более четкими. Вижу, что на окнах осели следы соли. Шелковистые нити паутины, свисающие с потолка, колеблутся от

сквозняка. Ганнибал усаживается возле сложенной вагонки и принимается спокойно вылизывать лапы. Плотники оставили тут оборудование для работы по дереву: ленточную пилу, машину для циклевания пола, козлы для распиловки. Но людей здесь нет.

Еще одна дверь ведет на вдовью дорожку – площадку на крыше с видом на море. Открыв дверь, выхожу наружу, на бодрящий ветер. Глядя вниз, вижу тропку на утесе – ту самую, по которой шла всего несколько минут назад. Шум волн кажется таким близким, словно я стою на носу корабля – очень старого корабля. Перила ограждения расшатаны, краска давно облезла под напором стихий. И тут я отступаю, взглянув вниз, на прогнившие доски. Донна предупредила, что выходить на вдовью дорожку не стоит, а я ступила слишком далеко и площадка вполне могла проломиться под моим весом. Однако совсем недавно мне почудилось, что кто-то стоит на этом месте, где ветхий настил выглядит не прочнее картона.

Я возвращаюсь внутрь башенки и закрываю дверь, чтобы защититься от ветра. Эта комната выходит на восток, так что она уже прогрелась на утреннем солнце. Я стою, купаясь в золотом свете и пытаюсь понять, что же увидела с утеса, но никаких дельных мыслей не появляется. Возможно, это игра света. Странное его преломление в стеклах старых окон. Да, видимо, так и было. Когда смотришь на них снизу, в глазах рябит, словно заглядываешь в толщу воды.

Боковым зрением я улавливаю какой-то блеск.

Развернувшись, вижу облачко танцующей в воздухе пыли — она мерцает в солнечном свете, словно миллион галактик.

Когда я вхожу в офис «Бранка. Продажа и управление недвижимостью», Донна разговаривает по телефону. Она приветствует меня взмахом руки и жестом приглашает подождать. Управляющая продолжает беседу, а я присаживаюсь возле залитого солнцем окна и принимаюсь листать каталог недвижимости, которую сдают в аренду. Вахту Броуди в списках мне найти не удастся, но заманчивых предложений много, от покрытых черепицей коттеджей и квартир в самом городке до грандиозного особняка на Элм-стрит – он сдаётся за не менее грандиозную сумму. Перелистывая страницы с красивыми изображениями домов, я вспоминаю вид, который открывается из моей спальни в Вахте Броуди, и утреннюю прогулку вдоль утеса, благоухающего розами. Много ли домов в этом каталоге могут похвастаться собственным пляжем?

– Здравствуйте, Эйва. Как устроились?

Я поднимаю глаза на Донну, которая наконец закончила разговор:

– У меня появилось... мм... несколько проблем, которые я хочу обсудить с вами.

– Бог мой, что за проблемы?

– Ну, для начала – мыши.

– Ах! – Она вздыхает. – Да, есть такая неприятность со

старыми домами в округе. Поскольку вы привезли кота, я бы не советовала травить мышей, а вот мышеловками я вас обеспечить могу.

– Не думаю, что пара мышеловок поможет справиться с этой проблемой. Судя по всему, за стенами живет целая армия грызунов.

– Я могу попросить Неда и Билли – это плотники, – чтобы они заделали явные щели и дыры, откуда мыши могут проползти в комнаты. Но дом очень старый; большинство здешних жителей просто мирятся с присутствием мышей.

Я поднимаю каталог:

– Значит, если я переберусь куда-то еще, эта проблема не решится?

– В данный момент здесь больше ничего не сдается. Сейчас самый разгар летнего сезона, и все занято, разве что отыщется вариант с переездом: неделька тут, неделька там. А вы ведь хотели задержаться подольше?

– Да, до октября. Чтобы закончить книгу.

Она качает головой:

– Боюсь, вы не найдете дома, способного сравниться с Вахтой Броуди в смысле красивых видов и уединенности. Вы снимаете ее так недорого только потому, что там идет реставрация.

– Это мой второй вопрос. По поводу реставрации.

– Да?

– Вы говорили, что плотники будут работать только в буд-

ни.

– Верно.

– Сегодня утром я шла по тропке утеса и, кажется, видела кого-то на вдовьей дорожке.

– В воскресенье? Но ведь у них нет ключа от дома. Как они могли войти?

– Я не заперла дверь, когда выходила.

– Это был Билли или Нед? Неду пятьдесят с небольшим. Билли чуть больше двадцати.

– Да я, в общем, ни с кем и не говорила. Когда я вернулась, в доме не было ни души. – Я умолкаю. – Полагаю, это мог быть всего-навсего обман зрения. Возможно, никого там и не было.

Донна отвечает не сразу, и мне интересно, о чем она думает. «Моя съемщица чокнутая?»

Она выдавливает улыбку:

– Я позвоню Неду и напому, что они не должны беспокоить вас по выходным. А при встрече можете сами сказать ему об этом. Завтра они оба должны приехать к вам. Что касается проблемы мышей – завтра, если хотите, могу привезти вам мышеловки.

– Нет, я сама их сейчас куплю. Где они у вас тут продаются?

– «Хозтовары Салливана» чуть дальше по этой улице. Поверните налево, и мимо не пройдете.

У двери я вспомнила, о чем еще хотела спросить. Обора-

чиваюсь к управляющей:

– Шарлотта забыла свою поваренную книгу. Я с радостью отправлю ее владелице, если вы скажете куда.

– Поваренную книгу? – Донна пожимает плечами. – Может, она ей больше не нужна.

– Это подарок ее бабушки, к тому же Шарлотта оставила пометки по всему тексту. Не сомневаюсь, что книга нужна ей.

Донна уже переключила внимание с меня на свой рабочий стол, но пробормотала:

– Я брошу ей письмо – пусть знает.

Солнце выманило на улицы всех туристов. Шагая по Элм-стрит, я с трудом уворачиваюсь от прогулочных детских колясок и обхожу малышей, сжимающих в руках рожки с подтаявшим мороженым. Как и говорила Донна, сейчас разгар летнего сезона, и по всему городу только и раздается радостное щелканье кассовых аппаратов: рестораны переполнены и десятки незадачливых омаров находят свой конец в пару и кипятке. Я продолжаю путь мимо дома Исторического общества Такер-Коува, мимо десятка магазинов, торгующих одними и теми же футболками и ирисками, и вскоре замечаю вывеску «Хозтовары Салливана».

Вхожу внутрь, звенит дверной колокольчик, и этот звук пробуждает во мне детские воспоминания: когда-то дедушка водил нас с сестрой в такую же скобяную лавку. остано-

вившись, я вдыхаю знакомый запах пыли и свежих опилок и вспоминаю, с какой любовью дедушка выбирал молотки, шурупы, шланги и шайбы. Мужчины его поколения знали толк в подобных вещах и с удовольствием делали покупки в таких магазинах.

Я никого не вижу, однако до меня долетают обрывки беседы: где-то в глубине зала двое мужчин обсуждают преимущества латунных кранов перед теми, что сделаны из нержавеющей стали.

В поисках мышеловок я полностью прохожу товарный ряд, однако, кроме садоводческих принадлежностей, ничего не попадает. Совки и лопаты разных форм, садовые перчатки. Я поворачиваю в следующий ряд – тут лежат гвозди, шурупы и мотки проволоки самых разнообразных видов и размеров. То, что надо для камеры пыток. Собираюсь было пройти третий ряд, но вдруг из-за панели с отвертками выныривает чья-то голова. Седые волосы на макушке торчат, словно пушинки одуванчика; человек смотрит на меня поверх съехавших на нос очков:

– Помочь вам найти что-нибудь, мисс?

– Да. Мышеловки.

– Небольшая проблемка с грызунами, а? – Усмехнувшись, он заворачивает в мой ряд и направляется ко мне. Пусть на нем рабочие сапоги и пояс с инструментами, на вид он староват, чтобы все еще размахивать молотком. – Мышеловки у меня тут, вместе с кухонными принадлежностями.

Мышеловки, оказывается, – кухонная утварь! Аппетита эта мысль не вызывает. Вслед за хозяином я иду в самый дальний угол магазина, где можно увидеть лопатки в ассортименте и покрытые пылью дешевые алюминиевые кастрюли и сковородки. Он подхватывает какую-то упаковку и передает мне. Я с ужасом разглядываю пружинные мышеловки «Виктор» – по шесть в упаковке. Бабушка с дедушкой расставляли на своей ферме в Нью-Гемпшире мышеловки той же фирмы.

– А есть у вас что-нибудь... э-э-э... чуть более гуманное? – спрашиваю я.

– Гуманное?

– Ловушки, которые не убивают. Типа «Хавахарта»?

– А что вы будете делать с мышами, когда поймаете?

– Выпущу где-нибудь. Подальше отсюда.

– А они просто возьмут и вернутся. Разумеется, если вы не решитесь на о-о-о-о-очень долгую поездку. – Он хохотнул над собственной шуткой.

Я смотрю на захлопывающиеся мышеловки.

– Просто вид у них такой ужасный...

– Нанесите капельку арахисового масла. Мышки почуют его, наступят на пружину и – *бац!* – Я вздрагиваю, а он расплывается в улыбке. – Они ничегошеньки не почувствуют, обещаю.

– Не думаю, чтобы мне хотелось...

– Тут, в магазине, находится эксперт, который переубедит

вас. Эй, док! – закричал он на весь магазин. – Идите сюда и расскажите этой юной леди, что расстраиваться не из-за чего!

Услышав приближающиеся шаги, я оборачиваюсь и вижу мужчину примерно моего возраста. На нем синие джинсы и клетчатая рубашка; он настолько чисто выбрит и опрятен, что вполне мог бы сойти со страниц каталога «Л. Л. Бин»². Не хватает только золотистого ретривера у ног. В руках мужчина держит латунный кран, видимо одержавший верх в споре о латуни и нержавеющей, который я только что подслушала.

– Чем могу помочь, Эммет? – спрашивает он.

– Скажите вот этой милой даме, что мыши страдать не будут.

– Какие мыши?

– Мыши в моем доме, – поясняю я. – Я пришла купить мышеловки, но эти... – Опускаю взгляд на пружинные мышеловки и вздрагиваю.

– Я пытаюсь убедить ее, что они прекрасно работают, однако ей такой способ кажется безжалостным, – говорит Эммет.

– Ну что ж... – «Мистер Л. Л. Бин» беспомощно пожимает плечами. – Ни одно смертоносное техническое устройство не может быть гуманным на сто процентов, однако у этих старых ловушек фирмы «Виктор» есть одно достоинство:

² «Л. Л. Бин» – американская розничная сеть, основанная в штате Мэн в 1912 году; торгует одеждой, обувью и оборудованием для активного отдыха.

мгновенность. Перекладина бьет по хребту и перерубает позвоночник. А это значит, что болевые сигналы передаваться больше не могут, так что животное почти не страдает. А еще существуют исследования, показывающие, что...

– Простите, а откуда вы так много об этом знаете?

Он скромно улыбается. Мое внимание привлекают его невероятно голубые глаза и на зависть длинные ресницы.

– Это основы анатомии. Если сигналы не поступают в мозг по позвоночнику, животное ничего не почувствует.

– Доктор Бен все знает, – объясняет Эммет. – Он наш городской врач.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.